

Как я завидую безмозглым!

Збигнев Войцеховский

Оптимизм — это недостаток информации.

Раневская,

это вы себе позволяете?!

Точно от театра.
Дачный сортир.
Обидно кончать
свою жизнь
в сортире.

Когда я умру,
похороните меня
и на памятнике
напишите: «Умерла
от отвращения».

Всю жизнь
я проплакала
в униформе
стилем
бабочек.

Вот теперь я точно знаю,
как рождаются алкоголики.

Милый! Даже колыбельную нужно писать так,
чтобы люди не засыпали от скуки!

После третьей рюмки я почувствовала
себя достаточно раскрепощенно.

*Биографии великих
Неожиданный ракурс*

Збигнев Войцеховский
Раневская, что вы себе позволяете?!
Серия «Биографии великих. Неожиданный ракурс»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567895
Раневская, что вы себе позволяете?! / Збигнев Войцеховский: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60950-5*

Аннотация

Эта книга заметно отличается от всего, что было написано о Фаине Раневской раньше. Книга не претендует на истину в конечной инстанции, однако образ великой актрисы, созданный автором, впечатляет необыкновенной естественностью, «живостью» и правдоподобностью. Раневская представляется читателю по-настоящему одаренным человеком, тонко чувствующим несправедливость и достоинства нашего бытия, убогость и духовное богатство людей; она представляется человеком, обладающим жестким, критическим взглядом на мир и явления. Но вместе с тем эта книга создает образ застенчивой, некрасивой, очень совестливой женщины, с которой судьба обходилась не всегда ласково и справедливо...

Содержание

Глава 1.	5
1. «ПионЭры, возьмитесь за руки и идите в жопу!»	5
2. «Всю жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй»	10
3. «Страшно грустна моя жизнь...»	16
4. «Я родилась в семье небогатого нефтепромышленника»	22
5. «Семья заменяет все. Поэтому, прежде чем ее завести, стоит подумать, что тебе важнее: все или семья»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Збигнев Войцеховский

Раневская, что вы себе позволяете?!

Эта книга – о необычном человеке. Скажу больше: об одном из самых необычных. И еще больше – о самой необыкновенной актрисе бывшего Советского Союза. Уникальной актрисе.

Споры о Фаине Георгиевне Раневской не прекращаются и по сей день. Одни считают ее излишне грубой, где-то даже вульгарной, другие же находят в ней тонкий юмор, незаурядный талант острослова, умение увидеть смешное и нелепое во всех привычных вещах. Одни видят ее далеко не моделью, скептически оценивая ее внешнюю красоту, в особенности намекая на большой нос и достаточно ярко выраженные семитские черты. Другие же говорят об одухотворенном лице, пронзительном живом взгляде, светящихся глазах, которые, как известно, – зеркало души. Одни упрекают ее в том, что она была обласкана той системой, в которой жила, имела немало наград, играла роли коммунисток, «перекованный соцэлемент», а другие рассказывают о ее смелости, о способности говорить правду и высказывать свою критическую точку зрения в любых условиях. Но и первые, и вторые сходятся в одном: она была талантливой актрисой. Созданные ею образы до сих пор поражают истинных ценителей кино и театра. Поэтому мы построим книгу о ней тоже не обычно, не традиционно. В самом начале попробуем ответить на вопросы: кто же она такая – наша героиня? Как она могла жить в то время в той стране? Почему она была такой, какой была?

Глава 1. Кто же Вы, Фаина Раневская?

1. «ПионЭры, возьмитесь за руки и идите в жопу!»

Вы, дорогие читатели, наверняка ожидали увидеть название первой главы книги в виде чего-то привычного, скажем: «Безбедное детство». А первыми строками должны были бы идти слова о том, когда и в каком месте родилась наша героиня.

Вы ведь знаете, кому принадлежит эта фраза? Интересно, что только единицы актеров, вошедших в мировую историю, узнаются не столько по своим сыгранным ролям, не столько по фильмам, а именно по фразам, репликам. И редчайший случай, когда такие фразы сказаны не со сцены, не в фильме, а в быту.

Фаина Георгиевна Раневская – это именно тот случай. Фраза, которой я осмеливаюсь назвать первую главу книги о Раневской, принадлежит ей.

Здесь, в одной этой фразе – вся Фаина Раневская, ее суть, ее мировосприятие, ее отношение к окружающему ее миру. Здесь Фаина Раневская раскрывает себя не как актрису, но как человека. И начать эту книгу мне бы хотелось именно с этого: попытаться вначале понять, что это за человек, определить ее самые главные черты, глубину ее внутреннего мира. И заодно – рассказать хоть вскользь о тех условиях, в которых она жила. Ведь жизнь этой женщины – это целая эпоха! Она играла в театре и снималась в фильмах при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежнев! Это кажется невероятным, но это так.

Сохранились многие сотни высказываний Фаины Раневской. И, надо заметить, этот список цитат растет. За далью лет уже трудно сказать, что она говорила на самом деле, что ей приписано. С легендарными личностями так бывает всегда: они становятся обладателями не только своего ума и своих слов, но и народного творчества, устного фольклора, анекдотов. Человечество стремится придать своему кумиру новые штришки, которые подчеркнули бы его ум, остроумие, неординарность мышления...

Но из всех фраз я выбрал именно эту. И не только потому, что эта фраза точно принадлежит Раневской.

Сегодня известно, что эту фразу Раневская произносила дважды. Один раз это произошло на улице, и фраза прозвучала как ответ окружившим ее детям, которые, не смолкая, кричали актрисе: «Муля, не нервируй меня». Правда, звучит она в этом случае короче, без очень характерной вставки «возьмитесь за руки».

Во втором случае Фаина Раневская так ответила тимуровцам, пришедшим в ее дом.

Тут надо бы чуточку пояснить: кто такие тимуровцы и чего ради они пришли к уже постаревшей тогда Фаине Раневской. Уверен, часть наших читателей уже не совсем точно представляет себе всю сущность тимуровского движения – прошло немало лет.

Аркадий Гайдар, советский писатель, остался в литературе благодаря одной своей повести «Тимур и его команда». Кратко о содержании повести: время Гражданской войны, взрослое мужское население воюет. Женщины, старики и дети находятся где-то в крупном дачном поселке. Оставшиеся 10–13-летние дети красных командиров создают тайную группу поддержки стариков и одиноких и творят свои красивые и нужные дела ночью, тайно от всех. Дрова там складывают, козу разыскивают... А еще они воюют (почти как взрослые) с нехорошими ребятами. Нехорошие ребята нехорошие потому, что лазают по яблоки в чужие сады. Вредители, в общем. Хороших ребят возглавляет очень правильный мальчик по имени Тимур. Хорошие, конечно же, побеждают нехороших.

Нормальная такая детская повесть. С точки зрения идеологической и воспитательной роли – с огромным потенциалом. И посему была включена в школьную программу по литературе. К времени правления Леонида Ильича Брежнева, когда уже в СССР якобы был построен развитой социализм, повесть положили в основу нового проекта воспитания детей и подростков. Так возникло тимуровское движение. Во всех классах пионерского возраста создавались совсем не тайные, а явные тимуровские отряды, которые обязаны были совершать добрые дела. Все «дела» тщательно протоколировались, подводились итоги. Например, отряд в конце месяца перед всей пионерской дружиной школы отчитывался: «Переведено старушек через дорогу – 18 штук; поднесено сумок – 22; наколото дров – два вагона...» – и далее в таком вот пионерском духе. В то время в больших городах России можно было видеть мечущихся по улицам и дворам пионеров в поисках «добрых дел». Иной раз они целой толпой набегали на какую-нибудь одинокую старушку со своей небольшой сумочкой, хватали эту сумку и гордо несли, несмотря на то что старушка отчаянно пыталась вернуть свое имущество обратно.

Старушек на всех не хватало... Тогда возникла идея «окружить теплом и заботой» всех одиноких. Ну, не всех – пионеров не хватит, так хотя бы известных. Опять же, без приглашения и договоренности, толпа пионеров влетала в дом и требовала дать им какие-то поручения: сходить в аптеку, в булочную за хлебом, за молоком, убрать в комнате.

О тимуровском движении снимали фильмы, писали в газетах, рассказывали на радио. В общем и целом этот вроде бы и неплохой проект стал в итоге грандиозной показухой. Конечно, были среди тимуровцев поначалу и ребята нормальные, были и отряды вполне приличные, но идеологи строительства коммунизма довели ситуацию до полного абсурда, и нормальное дело было превращено в очень плохой спектакль. Впрочем, как все в той стране под названием СССР, где не жили – играли роли счастливых строителей коммунизма.

И вот однажды к Фаине Раневской настойчиво постучали. Когда она вышла, ее встретил бодрый пионерско-тимуровский отряд, командир которого поставленным голосом громко доложил: к одинокой старушке прибыл тимуровский отряд для выполнения добрых дел, а именно: взятия над ней, Раневской, известной актрисой, шефства.

Вот тогда Фаина Георгиевна и сказала своим всеми уже узнаваемым голосом:

– Пионеры, возьмитесь за руки и идите в жопу!

Раневская могла прощать людям многое, почти все, но никогда не прощала плохой игры, фальши, бесталанности. Она, как никто другой, воспринимала всю систему советского государства как срежиссированный спектакль, она знала, что делается за кулисами этого театра, она видела многочисленные ниточки в руках кукловодов. Она смирилась с окружением, но ее смирение не означало, что она готова принять участие в этой бесталанной игре. Нет-нет, Фаина Раневская не была антисоветчицей, она была очень далека от политики, ее жизнью был только театр, и больше ничто не могло ее волновать. Но в жизни играть роль счастливой от проявленной тимуровцами заботы бабушки она бы никогда не стала. И подыгрывать не смогла бы.

То, что Фаина Раневская видела все и все понимала в советской действительности, бесспорно. В связи с этим вспоминается такой эпизод.

В 1949 году снимается драма по пьесе Сергея Михалкова «У них есть Родина». В фильме рассказывалось о сиротском приюте, который находился после окончания войны на территории Западной Германии. Этот приют разыскивают советские разведчики и устанавливают, что в приюте находятся дети из Советского Союза. А сейчас приют опекается английскими войсками. Конечно же, наши разведчики начинают добиваться возвращения советских детей на их родину. И, конечно, счастливые детишки возвращаются в СССР.

Так вот Фаина Раневская назвала фильм дерьмом. Потому что он был поставлен по дерьмовой пьесе.

В этом фильме Раневская играла толстую немецкую фрау, которая страстно любит сосиски с пивом. Ей не просто было играть: по замыслу режиссера, она должна была быть толстой, с расплывшимся от жира лицом. Приходилось не только надевать на себя «утолщения», но и что-то засовывать за щеки, чтобы придать полноты лицу. Говорить в таком случае было крайне трудно. Но не это заставило актрису сказать о фильме «дерьмо». Вот слова самой Фаины Раневской: *«Когда я говорю о михалковском дерьме, то имею в виду только одно: знал ли он, что всех детей, которые после этого фильма добились возвращения на родину, прямым ходом отправляли в лагеря и колонии? Если знал, то тридцать серебряников не жгли руки?»*

Да, она ценила те награды, которые она получала. Своеобразно, надо сказать, ценила, понимая, что они – документальное подтверждение ее таланта. Не за награды она играла, но если их давали – она брала. Свой первый орден «Знак Почета» вместе со званием «Народной артистки РСФСР» она получила за съемки в фильме «Весна». Вот что рассказывает сама Раневская об этом.

«Задолго до события составлялись подробные списки. Там указывалось все: год и место рождения, образование, работа, семейное положение и номер паспорта. Потом, недели за две, ставили в известность, когда и к каким воротам явиться. Помню, часам к двум у Боровицких, в садике, выстроился длинный хвост – никого не пускали, пока не выйдет время. Затем начали сличать фотографии в паспорте с наружностью, номера и прописку со списками... Пройдешь ворота – дальше ни с места, жди, пока всех проверят. Возле нас дюжина казэбэшников в форме. Шестеро солдат встали впереди, шестеро сзади – и повели колонну ко Дворцу. «Как заключенных, – подумала я. – Только ружей конвою не хватает». Всем-то любопытно, вертят головами по сторонам, но нельзя! У входа во Дворец снова дотошная проверка. Все уже измотались – сил нет. Наконец поднялись по лестнице, появился Калинин, нет – Георгадзе. Расплылся в улыбке, сказал мне что-то об особом удовольствии, я тоже заулыбалась, а сама думаю: «Скорее бы это кончилось». И бокал шампанского не поднял настроения... А главное, дальше – то же самое, но в обратном порядке. «Теперь-то зачем? – закипала я. – Ну, каждый получил свое, ничего не украл, отпустите душу с Богом!» Нет, те же подозрительные взгляды, каменные лица, будто и «Весну» никогда не видели».

Фаина Раневская никогда не питала иллюзий в отношении социализма в СССР.

Этот первое, что я увидел в этой фразе.

Второе. Фаину Раневскую нынешние любители изящной словесности часто упрекают в ее любви к так называемой низкой лексике, кто-то находит в ней цинизм, грубость, желчность. Вот и эта фраза про пионеров и жопу: как же можно! Это же дети, как можно детям сказать такое?

Можно сказать и нужно сказать. Потому что, во-первых, если есть жопа у человека и она видна, то есть и слово «жопа», и оно должно быть дозволено. Во-вторых, пионеры не реже Раневской, она об этом точно знала, употребляют в своих разговорах это слово. Иными словами, Раневская всегда и везде говорила правду. Мало того, эта правда у нее звучала не только остроумно, с сарказмом, но иной раз – с убийственным сарказмом, прямолинейно, так, что истолковать иначе и нельзя было.

Фаина Раневская была правдива во всем, что бы ее ни касалось. В этой ее непосредственности было что-то от детской наивности. И совсем не случайно однажды ее подруга Анна Ахматова сказала ей, что «тебе одиннадцать лет и никогда не будет двенадцать».

Некоторые утверждают, что наиболее часто употребляемыми словами в лексиконе Раневской вне сцены были слова «жопа» и «говно». Согласитесь, даже если это и так, это не выглядит необычным и неприемлемым для человека, привыкшего говорить правду. Ведь в действительности говна (позволим себе это слово) вокруг Раневской было очень много,

и это касалось в первую очередь театра. Она, истово требующая от себя и от других полной выкладки на сцене, не игры, но настоящей жизни, не могла не видеть, что главным в театре становится идеология, что профессионализм порой подменяется показушной преданностью пустым идеям. И однажды она высказалась прямо: *«Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире»*.

И третье, что я усмотрел в этой знаменитой фразе. Как бы там ни было, но Фаина Раневская своей искренней прямоотой проявляла такую же искреннюю заботу о людях. Известен, например, один случай, когда она резко высказалась по поводу колыбельной молодого композитора: *«Милый! Даже колыбельную нужно писать так, чтобы люди не засыпали от скуки!»* Зло? Да нет же, правдиво! И настоящего мастера такая оценка его работы только подстегнет к действию, к желанию усовершенствоваться. А бездарей, которые в таких случаях впадают в прострацию, не жалко.

А уж сколько едких, колючих, жестких замечаний получал режиссер Театра Моссовета Юрий Завадский, в труппе которого Раневская играла несколько лет, – не счесть. Но об этом мы поговорим более подробно позже.

Многие отмечают именно эту черту великой актрисы: нераздельное сочетание жесткости и сострадания. Раневская была жестким, иной раз и жестоким человеком, но одновременно очень сострадательным. Вот только ошибочно будет полагать, что ее сострадание было слепое, сродни монашеской доброте. Нет, Фаина Раневская видела, кто и в каком случае действительно достоин сострадания – и делилась, чем могла. Причем ее сострадание было предметным, то есть заключалось в поступке, деле, а не только в высказанных словах. Ее дружба с Анной Ахматовой была известна всем. То ли из-за зависти, или же это было действительно так, но современники Раневской рассказывали, будто она называла Ахматову скифской бабой – потому, дескать, что Анне Ахматовой нет никакого дела до ее окружения. Если задуматься, то Раневская могла такое сказать. Более того, так сказать могла именно только Раневская: чрезвычайно точно, образно и остро. Разве же не была Анна Ахматова отстраненным от действительности человеком? Разве волновало ее что-то в жизни, кроме мира поэзии? Да и внешность... Но кто больше всех опекал Анну Ахматову в Ташкенте, когда было холодно и голодно? Об этом мы тоже поговорим ниже...

Или вот совершенно другой случай. Мария Цветаева возвращается из эмиграции. Средств к существованию практически нет. Фаина Раневская в это время получает зарплату в театре. Денег вышла круглая сумма, и они были получены Раневской в одной банковской пачке. С этой пачкой Фаина Раневская и поехала к Цветаевой. И вручила ей деньги, думая, что Цветаева разделит эту пачку... Но Мария Ивановна сердечно поблагодарила Раневскую, крайне тронутая этим поступком: теперь месяц она могла жить на эти деньги относительно безбедно. Раневская, конечно же, не стала требовать дележки. Чтобы выжить самой, она продала свое кольцо. И вот, спустя некоторое время, она вспоминала этот случай и говорила: *«Как я счастлива, что не успела тогда поделить пачку!»*

Полное нежелание разговаривать двусмысленно, скрывать свою оценку людей и событий проявлялось у Фаины Раневской иной раз помимо ее воли. Как-то Фаина Георгиевна, тогда еще совсем молодая, познакомилась с утонченной женщиной, образованной, реальной светской дамой XIX века Татьяной Львовной Щепкиной-Куперник. Раневская стала частым гостем у этой женщины. Однажды разговор зашел о Чехове. Фаине Раневской, конечно же, было что сказать об этом писателе. Говорили о его несладкой судьбе, о болезни, об одиночестве в Ялте – его супруге все никак не удавалось тогда приехать к своему мужу. Дальше рассказывает сама Раневская.

*«После третьей рюмки я почувствовала себя достаточно раскрепощенно:
– Татьяна Львовна, а ведь Ольга Леонардовна Книппер-Чехова – блядь.
И обмерла от ужаса: сейчас мне откажут от дома!»*

Но изысканная Татьяна Львовна всплеснула ручками и очень буднично, со знанием дела воскликнула:

– Блядь, душенька, блядь!..»

Правду нельзя замалчивать, правда лечит, правда помогает жить, оставаться в первую очередь человеком. И это всецело принимала Фаина Раневская, принимала и пронесла как стяг через всю свою жизнь. Но в ее понимании правда была лишена всяких идеологических устремлений, она знать не желала никакой революционной или еще какой правды. Правда может быть только одна: это твоя искренность во всем, что ты делаешь, думаешь, говоришь.

Фаина Раневская послала пионеров-тимуровцев с их заданием взять шефство над одинокой известной старушкой в жопу. И это было не только неприятие советского спектакля жизни, отвращение к убогой пародии всеобщего счастья, не только ее личная смелость, но и желание открыть им, юным пионерам, глаза на действительность. Кто знает, может быть, кто-то из них и задумался после слов «старушки» о том, чем он на самом деле занимается...

Это не только пионеров отправляла Фаина Раневская в недалекое пешее путешествие. Она отправляла туда всех с традиционно плоским образом жизни и мышления. Всех, кто лишен чувства юмора, всех, живущих счастливо в своей зашоренной действительности. Всех, кто не смог подняться выше уровня кухни. Всех, кто не умеет воспринимать жизнь как свою собственную данность, которой в полной мере может распорядиться самостоятельно.

Фаина Раневская о действительности

Оптимизм – это недостаток информации.

Как я завидую безмозглым!

Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

Красивые люди тоже срут.

Если бы судьба не назначила мне быть актрисой, я бы стала историком.

2. «Всю жизнь я проплавала в унитазах стилем баттерфляй»

Мне иногда обидно за Фаину Георгиевну. Подозреваю, что далеко не все задумываются над той глубиной, которая присуща практически всем ее цитатам. Вот как и та, которая стала заглавием этой второй главы книги. Чтобы понять весь смысл этих слов, нужно точно представлять, что такое стиль баттерфляй. Это спортивный вид плавания, один из самых быстрых, эффективных и в придачу зрелищных. Но одновременно он требует колоссального расхода сил, бесконечных тренировок и необходимости всегда быть в форме.

И вот теперь, если вы раньше ничего не знали про баттерфляй (что и не обязаны), вы уже почувствуете, каким смыслом наполняются слова Фаины Раневской.

Но это еще не все. Стиль баттерфляй – это такое плавание, когда человек ныряет, плывет под водой, выныривает, хватается воздух во все легкие, опять ныряет...

Вот теперь, согласитесь, фраза Фаины Георгиевны зазвучала во всей своей серьезности...

Что было для нее глотком воздуха? Безусловно, театр.

Но в этой главе мне бы хотелось поговорить о том, что было там, где приходилось сдерживать дыхание. Ведь наверняка те из вас, кто осведомлен хоть немного о жизни в СССР с первых его лет, невольно уже задавали себе вопрос: как же она выжила?

Действительно, с учетом того, что я написал в первой главе о прямоте, открытости, безбоязненности Фаины Раневской, с учетом вот этой фразы о своей жизни – как же она не попала в руки НКВД – Ежова, Берию? Как не коснулись ее заморозки после оттепели Хрущева? Как ее не упрятали подальше в психиатрическую лечебницу при Брежнев?

И ведь дело вовсе не в том, что она что-то такое там говорила против советской власти, выражаясь протокольным языком, «очерняла советскую действительность». Дело в том, что с таким характером – вздорным, резким, непримиримым – Раневская, конечно же, имела мешок и небольшую торбочку врагов. Она понимала это: бездарности, которых хватало во все времена в советских театрах, и особенно в пору Сталина, ее ненавидели люто. Раневская вспоминала: *«В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части»*.

Обратите внимание на такое необычное перечисление окружения по способностям: талантливые, бездарные, шавки. Первые два – понятно, естественно. А шавки? Это какие? Так вот, шавки – это чаще всего «засланцы». Люди НКВД-КГБ, специально приставленные к театру под видом то ли работников сцены, то ли обслуживающего персонала, а то и актеров.

И здесь буквально один донос мог стать одновременно и приговором. Писали ли доносы на Раневскую, смачно вплетая туда ее фразы и фразочки? Писали, это несомненно.

Да и сама Фаина Георгиевна не единожды при всех вела себя так, что могло быть истолковано бдительными органами как «антисоветская пропаганда».

Пятидесятые годы. В магазинах – очереди и пустые полки. Раневскую и еще семейную чету артистов приглашают в высокопоставленный дом какого-то крупного партийного работника. Раневская вспоминала:

«...А на столе изобилие, как при коммунизме. Закусываем мы в полное удовольствие, налегли на семгу и осетрину, и тут хозяйка останавливает нас:

– А не пришло ли время дорогим артистам показать свое мастерство? Фаина Георгиевна, может, вы нам прочтете? Просим!

И захлопала в ладоши, не улыбаясь. Я сорвалась:

– А что, настала пора харч отрабатывать?»

Были и иные случаи не менее экспрессивного поведения Фаины Раневской вблизи политического огня.

В те времена партийные собрания первичек проходили, как правило, с обязательным участием всего коллектива, в целях, так сказать, воспитания и назидания. На одном из таких партийных собраний в Театре Моссовета как-то прорабатывали товарища за его немарксистско-неленинское поведение. Провинился товарищ, в общем. «Неопровержимые данные» свидетельствовали о том, что он склонен к гомосексуализму. Страшное дело: как может коммунист быть гомосексом? Все шло по накатанной: доложено присутствующим о провинности товарища, поднимаются его друзья и, как то нужно, «клеят позором и другими нехорошими словами» нарушителя.

Этот уродливый спектакль с его тупой игрой идейных товарищей вывел Раневскую из себя. Она поднялась и заявила: *«Каждый волен распоряжаться своей жопой, как ему хочется. Поэтому я свою поднимаю и убываю».*

Наступила немая сцена. Нужно заметить, что на любое заседание первички всегда приходил ответственный товарищ из организации повыше. Это не театральный межсбойчик, где все оставалось меж своими (если кто не был доносчиком). Последствия для Раневской могли быть катастрофическими. Но – пронесло. Может быть, и потому, что Фаина Георгиевна не состояла в рядах коммунистов. Хотя ей не единожды делали такие предложения.

Кто защищал Раневскую? Кто оберегал?

Не кто, а что – ее талант.

Идеологи марксизма-ленинизма прекрасно понимали, что всякое зрелищное искусство может быть использовано ими в их политической борьбе за массы. И поэтому после Октябрьского переворота в 1917 году театры рождаются один за другим. Их репертуар был узок и однонаправлен – все «о борьбе трудящегося народа». Их артисты были самые что ни на есть пролетарии – ведь истинный рабоче-крестьянский театр возможен только с артистами из рабочих и крестьян!

И получился великий пшик. Через самое короткое время вожди социалистической республики поняли, что создать «рабоче-крестьянский театр» во много раз сложнее, чем разогнать Учредительное собрание и взять Зимний дворец. Что артисты и режиссеры должны быть в первую очередь талантливы. Что вся воспитательная сила искусства проявляется только в том случае, если на сцене – настоящее искусство, а не жалкое его подобие. Да и сами вожди разных уровней, имеющие хоть какое-то интеллектуальное и духовное развитие, желали видеть на сцене настоящую игру.

И поэтому вопрос наличия артистов-профессионалов для коммунистов стоял очень остро, под особым контролем.

Сам Сталин любил театр. И разбирался в игре артистов очень даже неплохо для своего уровня. Но более театра Сталин любил кино. И если роль театра была несколько ограничена в деле «агитации и мобилизации» в силу понятных причин, то кино давало в руки вождей самый мощный инструмент воздействия на сознание людей. И мобильный к тому же. Но, образно говоря, стрелять из такого инструмента холостыми патронами было бы не только глупо, но и непростительно. Поэтому и фильмы должны были быть и мастерскими, и правильными. Например, такими, как про царя Ивана Грозного режиссера Эйзенштейна. Сталин был доволен этим фильмом. Очень доволен. И даже наградил фильм премией имени себя. Сегодня этот фильм стоит в ряду лучшего, созданного гением режиссуры. И вряд ли кто задумается о том, чем же этот фильм был угоден Сталину. А ответ прост: в фильме показано, кроме всего прочего, как один – именно один! – человек, властный царь выводит свой народ к лучшему будущему. Так почему бы, посмотрев эту «фильму», простому народу не подумать о том, что единоначалие, единый царь над всеми – это превеликое благо? (Опустим здесь подробности о второй серии, которая не понравилась Сталину.)

И поэтому Сталин всегда смотрел новые фильмы.

Пропустить роли Раневской в фильмах он, как и миллионы зрителей, не мог – из-за ее искрометной, выразительной игры. И однажды в Кремле после просмотра нового фильма он поделился своим мнением об игре актеров: «Вот у нас актер, товарищ Михаил Жаров. Он хороший артист, там усики ему приклеят, там голову побреют, там бороду нацепят, но в любой роли все равно видно, что это – Михаил Жаров. А товарищ Раневская никогда и усы не клеит, но во всех случаях она – разная».

Надо ли говорить о том, что такая оценка игры Фаины Георгиевны была сродни подписанию указа о ее награждении орденом? Более того, с этого момента жизнь и свобода Фаины Раневской зависели уже только лично от самого Сталина – открытое восхищение актрисой означало для всех тайных и явных служб и ведомств только одно: Раневскую не трогать ни при каких условиях. Наоборот: охранять.

Это было понятно не только всесильным органам. Понял, что произошло, и Сергей Эйзенштейн, присутствующий при словах Сталина. Он тут же бросился звонить Раневской (учтем, что обычно все приемы в Кремле с участием Сталина проходили глубокой ночью). Разбудил ее и пересказал все. Фаина Георгиевна была крайне возбуждена этим известием и радовалась, как ребенок. Ее непосредственная натура требовала немедленно с кем-то поделиться услышанным. Как была, в ночной рубашке, она, накинув только пальто, прихватила бутылочку и пошла будить дворника. Она была уверена, что уж он-то не обидится на столь поздний визит. Что и случилось: бутылка была распита в «теплой и дружеской обстановке».

Съемки в фильмах принесли Раневской любовь миллионов зрителей. В 1939 году выходит тот самый знаменитый фильм «Подкидыш», где Фаина Раневская играет эту самую жену-мещанку, самоуверенную, властную. Как всегда, готовя свои роли, она во множестве перекраивала сценарий, придумывала свои фразы и шутки. Вот и ту самую знаменитую фразу: «Муля, не нервируй меня», Раневская придумала сама (хотя некоторые говорят, что это придумала режиссер Татьяна Лукашевич). Как бы там ни было, эта второстепенная в общем-то роль в фильме, небольшой эпизод был сыгран с таким мастерством, что запал сразу же в сердца зрителей.

«Муля, не нервируй меня» – это первая в истории кино фраза, ставшая крылатой. К слову сказать, Раневская возненавидела потом ее, и было отчего. Не только мальчишки кричали ей вслед эти слова. Дошло до того, что и Леонид Ильич Брежнев, вручая ей награду, не удержался и сказал: «Вот, идет наша... Муля, не нервируй меня». Раневская с нескрываемым ехидством заметила, что ей так кричат вслед мальчишки и хулиганы. Брежнев покраснел...

В 1947 году вышел фильм «Весна». И пусть там в главной роли была всеобщая любимица Любовь Орлова, Раневская в паре с Пляттом сыграли так комедийно, ярко, весело, что зрители запомнили их больше, чем главных героев.

В том же, 1947 году на экраны выходит знаменитая сказка «Золушка». Помните ту злую мачеху, которая на балу у короля тщательно записывает в свой блокнот все знаки внимания, которые оказывает принц ее родным дочерям? Это была Раневская. Эта роль была настолько яркой, такой потрясающей глубины, с таким острым социальным подтекстом, что не увидеть в актрисе могучего таланта не смог бы и слепой. Раневскую полюбили всей душой, миллионы ждали ее появления на экранах.

С кумирами миллионов власти поступали по-особому. И здесь дело не только в желании угодить миллионам. А в том, чтобы этим самым миллионам показать, что вот в такой хорошей стране есть такие выдающиеся артисты.

Раневская понимала все.

Вот поэтому и баттерфляй в туалете. Всю жизнь – среди дерьма. И только короткий вздох настоящего воздуха – это ее игра.

Нам будет трудно понять Раневскую, да и многих других артистов, если мы не отметим для себя одну очень существенную деталь. А именно: артисты никогда не служат власти. Они не служат и народу, хотя власть всегда убеждала этот народ именно в том, что ему служат. Артисты не служат ради наград или жалованья. Они служат только одному – сцене. Настоящий талант живет всегда вне той среды, в которой находится. Главным источником жизненных сил для него становится возможность играть.

Это сложно понять, в это нужно просто поверить. Таков удел настоящих артистов. И Фаина Раневская – ярчайший пример вот такой жизни, когда она жила вне системы, не отвергая ее, но и не вступая в нее душой, разве что соприкасаясь жопой, если пользоваться терминологией Фаины Георгиевны.

И сейчас нам уже легче ответить и на другой иногда звучащий вопрос: а почему она, Раневская, не эмигрировала? Ведь многие же покинули большевистскую Россию.

Но куда больше актеров и осталось.

Еще раз: артисты живут вне системы.

Да, и вот еще что. Это сегодня мы читаем и представляем, как некогда в России произошла Великая Октябрьская революция. Да нет же, было по-другому: в городе Петрограде произошел переворот. Последствия всех этих и предыдущих потрясений всегда проявлялись постепенно, исподволь. Это поколения, выросшие при СССР, уверены, что, например, в 1905 году вся Россия была охвачена огнем восстаний, а все улицы во всех городах заняты баррикадами. Все не так. И даже наоборот.

Начало двадцатого века характерно для России всплеском в общественно-культурной жизни. В великом множестве открывались новые театры, в число зрителей и преданных любителей все чаще попадали люди из самых разных слоев населения, театр становился востребованным в любом уголке России. Страна словно проснулась от векового сна и сейчас жадно дышала воздухом искусства. Новые идеи, новые веяния – вся жизнь дышала новью.

Опять повторимся: искусство живет вне пространства. Это потом большевики будут тщиться поставить его на службу, обрядить в политические одежды. Но настоящему таланту безразличны социальные потрясения. Артист ощущает изменение политического строя и социальной устроенности не душой, а только желудком и телом: когда наступает голод, холод, бытовые неудобства. И когда в игру пытается вмешаться товарищ в кожанке с маузером...

Фаина Раневская и здесь выделялась среди всех прочих талантливейших актрис: ее нисколько не волновал быт! Она ничуть не задумывалась о своем материальном благополучии, деньги всегда существовали для нее лишь как средство питаться и одеваться. Вообще, она не любила деньги.

«Деньги мешают, и когда они есть, и когда их нет. Вещи покупаю, чтобы дарить. Одежду ношу старую, всегда неудачную...» – говорила о себе Раневская.

В первой главе я писал о бескорыстности Раневской. И там не было преувеличений. Например, она могла получить гонорар за съемки в фильме, принести его в театр и раздать всем артистам, если жалованье опять задерживали. В быту же Раневская была беспомощна, как ребенок. Поэтому ей пришлось держать домработниц. И те обкрадывали и обманывали Раневскую как могли. Но Раневская, хотя и знала про это, никогда никого сама не выгоняла, не наказывала. Совестливые гости перед уходом от Раневской обязательно проверяли карманы своих пальто – Раневская тайком часто клала туда подарки. Были хорошие духи – засовывала духи. Не было духов – хоть новый носовой платок...

Эта непритязательность Фаины Раневской, полная ее отстраненность от быта, чуждость мещанству делали ее еще более защищенной от системы.

Но до конца защититься было невозможно.

Вездесущее КГБ во времена Хрущева вело самую активную работу во всех уголках человеческой деятельности. Те самые «шавки» в театре уже не устраивали КГБ, им нужны были не жалкие, всеми презираемые доносчики, но тайные агенты, авторитетные, умные. И поэтому практически каждый из более-менее значимых артистов во всех театрах получал в какое-то время предложение о сотрудничестве – артистов вербовали в открытую и тайно.

Раневская знала об этом, знала, что рано или поздно агенты госбезопасности придут и к ней. Вообще-то, сами они не приходили – вызывали для «беседы». Уже став народной артисткой СССР (это было при Хрущеве), Раневская привлекла внимание лично начальника контрразведки генерал-лейтенанта Грибанова. Время торопило, а тут случилась накладка – навалилось много работы. И Грибанов отправляет для вербовки Раневской своего молодого работника Коршунова.

Для Коршунова вербовка Раневской не виделась как что-то трудное. Еврейское происхождение Раневской давало ему в то время преимущество. Но тем не менее начал Коршунов издалека. Напомнил товарищу Раневской, что вот-де, вышла новая программа товарища Хрущева, в которой прямо сказано: нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме. И так обязательно будет. Только эти подлые империалисты так и норовят вставить палки в колеса эсэсэровской машины. Вредят как могут. Засылают врагов прямо сюда, в Москву. Вся страна поднялась в едином порыве выполнить программу товарища Хрущева и ответить с честью на наглые выпады Запада. И долг каждого советского человека – помочь органам выявлять тех, кто вредит, кто куплен агентами мирового империализма...

Раневская слушала, курила папиросы. И только опер закончил, как она не менее страстно и уверенно, чем только что он говорил о будущей победе коммунизма, сказала, что готова вот прямо сегодня и сейчас же начать работу с КГБ: *«Сразу, без лишних слов, заявляю: я давно ждала этого момента, когда органы оценят меня по достоинству и предложат сотрудничать. Я лично давно к этому готова – разоблачать происки ненавистных мне империалистических вымплов... Можно сказать, что это моя мечта с детства...»*

Молодой кагэбист Коршунов засиял от удовольствия. Но вдруг Раневская упавшим голосом говорит «но». И дальше опер слушает: Раневская живет в коммунальной квартире. Это еще полбеды. Но она разговаривает во сне! Очень часто, раздумывая над ролями, она во сне их «проигрывает». Она очень ответственный и обязательный человек. Вот вдруг ей поручат какое-то очень сложное задание, она будет обдумывать целый день, как бы его лучше выполнить, а потом ночью вдруг начнет разговаривать о нем? Ведь она же «сдаст» все пароли, явки, всех тайных агентов... И ведь никуда не спрятаться: она же видит, что буквально круглосуточно под ее дверью дежурят! Если она говорит по телефону, во всей квартире мгновенно наступает тишина – ее непременно хотят подслушать. Какие-то темные личности встречаются ей за углами то здесь, то там, трусливо убегают, пряча лица... Нет, за ней явно следят, явно. *«Я говорю вам о своих недостатках заранее и честно. Ведь между нами, коллегами, не должно быть недомолвок, как вы считаете?»* – закончила Раневская.

Кагэбист Коршунов был сражен. Он настолько растерялся, что не знал, как попрощаться с Раневской: только словами или пожать ей руку уже как «коллеге». Своему непосредственному начальнику генералу Грибанову он через некоторое время докладывал, что Раневская – исключительно «наш» человек, что хоть сегодня она готова с агитационной литературой в трусах отправиться на задание в какую-нибудь из Америк, но есть особенности, и они мешают. И рассказал о разговорах Раневской во сне и то, что она в коммунальной квартире окружена личностями со всеми признаками потенциальной вражеской агентуры.

Говорят, Грибанов был на редкость умным и проницательным человеком, к тому же ценившим юмор. Сейчас трудно сказать, поспособствовал ли этому он сам или же кто иной, но вскоре после разговора с агентом КГБ Фаина Раневская получила однокомнатную квартиру.

Фаина Раневская о жизни вокруг

У меня хватило ума прожить жизнь глупо.

Жить надо так, чтобы тебя запомнили и сволочи.

Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга – «судьба – илюха».

Я говорила долго и неубедительно, как будто говорила о дружбе народов.

У вас такой же недостаток, как и у меня. Нет, не нос – скромность.

3. «Страшно грустна моя жизнь...»

В заголовок этой главы вставлена не полная цитата. Завершают ее такие слова Фаины Раневской: *«А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед Вами стриптиз»*.

Писать биографическую книгу о Раневской тяжелее во сто крат, чем о любом другом артисте.

Судите сами.

Тридцать шесть ролей в фильмах и сыгранных спектаклях – и ни одной главной роли, той роли, о которой мечтает каждый актер, роли в известнейшем спектакле, который как раз и является определенным олимпом для любого актера. У Раневской были главные роли, и она прекрасно играла их, но те спектакли и фильмы были не того уровня, к которому стремилась Раневская. Были и вовсе провальные по режиссуре фильмы, в одном Раневская сыграла-таки главную роль, которой потом стыдилась всю свою жизнь. Но вместе с тем авторитетная Британская энциклопедия включает Фаину Раневскую в десятку выдающихся актеров всего 20-го столетия.

Люди забывают названия фильмов и спектаклей, но помнят те роли, которые сыграла Раневская. Это парадоксально, но это так и есть.

Наверное, стоит сразу ответить на один из главных вопросов, который задают многие, очарованные артистическим и человеческим талантом Раневской.

Почему ей не давали главных ролей в значимых фильмах ведущих режиссеров Советского Союза?

Некоторые полагают, что Фаина Раневская не была красивой актрисой согласно тем канонам красоты, по которым красивой считалась, например, Любовь Орлова. Да, это так. Но красота – это идущее из глубины души одухотворение, заставляющее зрителей видеть перед собой нечто необыкновенно притягательное, доброе, светлое.

Если взглянуть на театр и кино с точки зрения советской идеологии, то для Фаины Раневской в самом деле тяжело отыскать главную роль: создаваемые ею персонажи, как правило, трагедийны или комичны, вызывают улыбку или сострадание. Или же отталкивают. Казалось бы, Фаина Раневская создана для так называемых вторых ролей, призванных оттенить в выгодном свете главных героев. И существовала целая теория относительно того, кому что играть и кем быть на сцене в силу телосложения актеров, их внешности, характерных черт лица.

Но все эти рассуждения – ерунда. Потому что режиссеры не один раз показывали миллионам зрителей, как те актеры, которым система уготовила определенные амплуа, которых чиновники от искусства не утверждали на другие роли, раскрывали свои таланты в самых неожиданных ракурсах. Характерный пример – Анатолий Папанов. После съемок в фильмах «Берегись автомобиля», «Бриллиантовая рука» он виделся всем как герой комедийных лент, не более. Но как вдруг раскрывается драматический талант этого актера в фильме «Холодное лето 53-го»! А вспомните фильм «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» и того толстого увальня, хулигана и тунеядца Федю, которого сыграл Алексей Смирнов. Ведь и вся его жизнь сложилась таким образом, что он оставался для советских режиссеров способным только на шутовские роли второго плана. Да, запоминающиеся, яркие, но – несерьезные, второстепенные. И вот режиссер и актер Леонид Быков дает ему одну из главных ролей в фильме «В бой идут одни «старики». Роль обычного механика самолетов Макарыча была сыграна настолько блестяще, ярко, с таким трагедийным внутренним напряжением, что стала лучшей в истории артиста. Не шутовская – глубоко драматичная роль. И стоит

вспомнить о том, сколько сил и терпения понадобилось Быкову, чтобы убедить чиновников утвердить на роль механика Макарыча именно Алексея Смирнова.

Внешность бывает обманчива. И даже не так: внешность, как правило, всегда обманчива! Те, кто знал хорошо Алексея Смирнова, поражались его глубочайшей интеллигентности, уму, умению поддержать разговор. А как глубоко Алексей Смирнов знал японскую поэзию! Неожиданно, не правда ли, – тунядец Федя и хокку Басё!

И ведь как же в этом похожи Смирнов и Раневская: их внешность ничуть не соответствовала их глубокому, неординарному внутреннему миру. Выскажу такую мысль: для Фаины Раневской не нашелся такой режиссер, как Леонид Быков. Вот чего действительно жаль.

И это значит только одно: Фаина Раневская могла играть главные роли, могла создавать на сцене и в кино сильнейшие образы.

Так почему же Фаине Раневской не давали главных ролей? Может, из-за ее вздорного характера? Из-за того, что она была готова долго и убедительно доказывать режиссеру необходимость менять реплики и сценические действия так, как ей казалось лучше? Известен случай, когда она практически полностью переписала для себя роль – и с этим согласились и автор пьесы, и режиссер, так как увидели, что Раневская оказалась права, пьеса в действительности заметно оживилась, приобрела дополнительную внутреннюю динамику. И так происходило с каждой ролью, в каждом спектакле: Фаина Раневская искала и находила новые и новые возможности для улучшения игры.

И вот представьте теперь: ей дают главную роль. Да она же камня на камне не оставит от первоначального замысла! Да она перепишет весь текст не только для себя, но и для каждого актера! Разве не так?

Нет, не так. Раневская стремилась улучшить текст и вмешаться в действия на сцене только тогда, когда видела: это необходимо, есть потенциал, его нужно раскрывать. То, во что она вмешивалась, – это были реально слабые вещи пробившихся наверх идеологически правильных драматургов с их идеологически правильными пьесами. Да, Раневская немало привносила и в кино своих собственных находок, но известные режиссеры были рады работать с ней – она в действительности только улучшала каждой своей находкой кадр и сцену.

В восторге от игры и от работы с актрисой был тогда еще начинающий Михаил Ромм. Он увидел Раневскую на сцене и пригласил ее сниматься. Для Раневской это был дебют в кино. О фильме «Пышка» (а снимал Ромм именно его) мы вспомним еще не раз, здесь же отметим вот что. Фильм снимался в немом варианте, без звука. У Раневской была роль француженки госпожи Луазо. Ничего сложного как будто. Но для того, чтобы лучше вжиться в образ этой госпожи, Раневская не только достала оригинал рассказа Мопассана, но прочла еще несколько, выучила специально множество французских фраз и предложений.

В общем, все говорит о том, что будь сценарий хорошим и будь хорошим режиссер, Раневская в главной роли смогла бы сыграть так, что ее роль стала бы отдельной темой для изучения в аудиториях университетов.

Какие еще могли быть причины того, что Раневской не давали главных ролей?

Увы, ларчик просто открывался. История сохранила для нас настоящую причину, по которой Фаина Раневская никогда не была первой в титрах.

Товарищ Сталин, как я уже выше писал, очень любил кино и понимал его роль, ведь Ленин научил: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Поэтому самый талантливый на то время режиссер Эйзенштейн был облакан Сталиным. И именно Эйзенштейну Сталин как бы вскользь намекает на то, что хорошо бы снять «фильму» про великого русского царя Ивана Грозного.

На одну из главных ролей в этом фильме рассматривалась кандидатура Раневской.

Сохранилось немало всяческих историй про отношения Раневской и Эйзенштейна. Например, рассказывают, что Раневская напрочь отказалась сниматься в фильме Эйзенштейна, сказав: *«Да я лучше кожей со своей задницы буду торговать, чем сниматься у Эйзенштейна»*. На что якобы Эйзенштейн ответил спустя время вопросом: «Как идет торговля?»

Вполне возможно, такое и было. Но если и так, то это было игрой хороших друзей, пикировкой, обменом оригинальными ироническими находками. Да, Раневская была дружна с великим режиссером, конечно же, она хотела сниматься у него, конечно же, Эйзенштейн понимал, что он теряет, не вводя Раневскую в число своих актеров при съемках такого фильма. Но они знали те подводные камни, которые были ведомы только им.

Просмотрев кандидатуры актеров для съемок фильма «Иван Грозный», министр кинематографии товарищ Большаков (знаковая фамилия, не правда ли?) отправил официальное письмо. В нем черным по белому значилось: «Семитские черты лица Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах».

Вот такой ларчик. Раневская слишком явно была еврейкой. И хотя в то время оголтелого сионизма в Стране Советов не было, тем не менее партия бдительно следила за тем, чтобы главными героями на советских экранах были товарищи явной славянской внешности. Или, что еще можно, – грузинской. Позже продвинулись украинцы (по понятным причинам).

Что ж, в целом линию партии коммунистов можно было читать на пальцах: в большом народе республик главная нация, старший брат всех – русские. Посему и на главных ролях надлежит быть русскому актеру.

Это первый «пункт», который не позволяет создать биографию Фаины Раневской этой интригующе-детективной. Не было у нашей героини главных ролей. Значит, не было и неких тайных и явных эпизодов в связи с назначением на эти роли. Нет возможности у нас разобрать ее игру в том или ином спектакле как сотворившую отличительный от традиционности образ.

А дальше – больше. Мало того что Фаина Раневская не играла главных ролей, так и личная ее жизнь никакая. Никакая в том смысле, что в ней нет семьи. И никаких долгих и драматических связей.

Возьмите биографию любого сегодняшнего артиста. Там – два-три развода, пять свадеб, четыре скандала, внебрачный ребенок (лучше – два), дележка имущества, драка с бывшим (бывшей) в ресторане в Париже... Это же захватывает, не правда ли? Вон Киркоров родил себе девочку (или мальчика?). Вон Пугачева меняет уже какого по счету мужа. Ну как, работая над биографической книгой актера, обойтись без его личной жизни? Без скандалов в высшем свете? Без тайных любовников, страшных семейных потрясений, пьянства мужа, измены жены, скелетов в шкафах и сундуках? Без детей-транжир, сыновей-алкоголиков, дочерей-проституток и – обязательно – полного разочарования в наследниках? А еще ссор с родителями, скандалов с тетюшками и тайных инцестов с дядюшками?

Увы, нам придется.

Потому что ничего подобного в жизни Фаины Раневской не было. Почему не было – об этом мы поговорим отдельно чуть ниже. Очень уж обширная тема, не влезет она в один-два абзаца.

Фаина Раневская не оставила после себя полноценной, весомой такой автобиографической книги. Сколько ее ни уговаривали – она отказывалась. В конце концов одному издательству удалось все же упросить актрису. Раневская даже получила аванс. Начала писать – и выбросила все исписанные листы, а деньги вернула. Позже ее подруга уговорила написать хотя бы очень немного. Раневская согласилась. Но закончить работу уже не успела. Сохранилось всего полтора десятка страниц.

Одно время к ней, что называется, пристал как банный лист Глеб Скороходов, журналист с предложением написать книгу. Раневская вначале ему ответила: *«Как можно выставить себя напоказ? Это нескромно»*. Они много говорили на эту тему, в конце концов Раневская сказала Скороходову, чтобы он записывал что-нибудь из того, что она будет рассказывать. Смотришь – получится что-то интересное. Глеб Скороходов стал приходить на встречи с Раневской с блокнотом и ручкой. В этих встречах есть один показательный момент.

Память у Раневской была исключительная, она помнила почти всю свою прошлую жизнь в мельчайших подробностях, особенно если это касалось людей, которых она любила. Иной раз Раневская, рассказывая о своем прошлом, увлекалась: она в таких случаях предупреждала Глеба, что этого записывать не нужно, но рассказать ей хотелось. Тем не менее он делал наброски в блокноте, говоря, что, мол, это же черновой вариант, в книгу это не попадет, может быть выброшено в любой момент. На что Раневская заметила: *«Все, что запечатлено на бумаге, делается свидетельством, документом»*.

Думается, именно понимание всей силы бумажной записи сдерживало Раневскую от написания мемуаров. Она, при всей своей колкости и ехидстве в повседневной жизни, в разговорах, знала, что сказанные слова не идут ни в какое сравнение с записанными.

Книга Глебом Скороходовым, кстати, была написана. После долгого обсуждения с Раневской рукопись решено было отдать почитать двум разным людям. И если один (Феликс Кузнецов) отозвался о тексте с восторгом, то Ирина Вульф высказалась крайне отрицательно. Она сказала, что Раневская – мстительная, вредная, что она наврала, что она не уважает людей, ни о ком не сказала доброго слова... Раневская забрала рукопись и отказалась издавать ее книгой. Сколько Глеб Скороходов ни просил вернуть текст – Фаина Георгиевна была непреклонна.

Она не хотела оставлять после себя такие строчки, которые могли бы кого-то обидеть спустя долгие годы... *«Воспоминания – невольная сплетня»*, – писала Раневская. И вообще, она была уверена: *«Писать должны писатели, а актерам положено играть»*.

Фаина Раневская за свою жизнь сменила множество театров, она играла в самых разных городах России. Об этом человеке нельзя сказать, что она прожила «короткую, но такую яркую жизнь, которая пронеслась, словно падающая звезда по небосклону, озаряя нас...» – и прочее в этом духе. Да нет же, жизнь Фаины Раневской проходила, в общем-то, ровно, без особых встрясок и падений и была долгой – она прожила 87 лет. Не было скандальных историй городского и союзного уровня, разоблачений и мести. Она не увлекалась алкоголем, не запивала по месяцам, ее не выгоняли из-за непримиримости.

Личная жизнь Фаины Георгиевны прошла так же ровно и спокойно: у нее не было громких связей с сильными мира того (в отличие, скажем, от той же Орловой и многих других). Фаина Раневская не влюблялась страстно и не теряла голову, не совершала из-за любви попыток суицида, не выцарапывала глаза соперницам и не устраивала драк с тасканием их за волосы.

Раневская написала правду о своей жизни – скучная.

И тем уникальнее! Да, именно так: среди серой своей жизни она сама была ее украшением: ироничная, правдивая, умнейшая женщина, великая актриса.

Хотелось ли Раневской, чтобы ее жизнь была ярче? Испытывала ли она неудовлетворение от своей вот такой жизни? Да, так было. Об этом могут свидетельствовать десятки цитат из ее воспоминаний, сотни реплик, которые запомнили ее друзья. Например, такую:

– *Фаина Георгиевна, как Ваши дела?*

– *Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью повидло.*

И все же мне бы хотелось усомниться в этом. И вот почему.

Фаина Раневская была на редкость открытым, глубоко ироничным, даже саркастичным человеком. Она была безжалостно правдива во всем, что ее окружало, она была неистова

в своем желании не играть, но жить. Причем не только на сцене – сценой для нее была вообще вся ее жизнь. Так вот, такие люди в первую очередь безжалостны к самим себе. И весь тот сарказм, вся та безжалостная ирония, с которой Фаина Раневская говорит о своей собственной жизни, мне лично кажется немножко преувеличенной. Впрочем, так и должно было быть. Раневская понимала и трезво оценивала свои способности как актрисы. Она прекрасно видела, что театр в целом и она сама лично могли бы сделать больше, глубже. И именно вот эта половинчатость, с которой игрались многие вещи (мы это еще увидим на примере многих спектаклей), выводила Раневскую из себя. Из тех цитат, которые сохранились и передают отношение Раневской, скажем, к режиссеру Завадскому, может сложиться впечатление, что она была в чем-то склочницей, вечно недовольной, всю вину спихивающей на одного режиссера. Но это очень ошибочно. Когда Фаина Раневская видела настоящую причину бездарности и убогости, она била во все колокола и стучалась именно в те двери, за которыми могло быть принято решение. Было, она писала письмо министру культуры, резкое, ультимативное и злое, где прямо заявляла: если не будет принято надлежащих мер, она вовсе уйдет из спектакля, поскольку в том виде, как он играется, дальше играть нельзя.

Что-то она меняла, что-то она могла. Но не все. Но не всегда. И именно эта осознанная ею ограниченность повлиять целиком на ситуацию и приводила к такой безжалостной гиперболизации в оценке своей жизни.

«Я очень хорошо знаю, что талантлива, а что я создала? Пропищала, и только». Это Раневская написала о себе. Она себе в укор ставила то, что не использовала по максимуму свой талант. Ей тяжело и больно было осознавать, что она могла бы – но не сделала. И не оправдывала себя даже тем, что условия и вся система были против нее – как против ее манеры играть и жить: истовой, искренней, всепоглощающей.

Когда-то давно, еще в первые годы начинавшегося разгораться революционного пожара в России, Раневская, как и многие молодые интеллигенты ее времени, упивалась «Буревестником» Горького: так верилось в хорошее светлое, так радостно было видеть просыпающуюся Россию. Раневская признавалась, что она хотя и была далека от всех революционных идей и целей, но тем не менее была одухотворена возможностью новых перемен. Да еще этот мечтатель Чехов, который так верил, что скоро, совсем скоро наступит время, когда все будет красиво: и природа, и человек, и его мысли, и его дела...

Отрезвление пришло очень скоро – уже через год после революции в голодном Крыму. Запах жареной на касторовом масле хамсы, который сжимал спазмами голодный желудок, противившийся принять хоть кусочек этой рыбы, стал для Раневской запахом новой России – большевистской.

Фаина Раневская не шутила над своей жизнью, не издевалась над ней, не уничижала: это она лично себе выставляла счет. Она была уверена, что могла бы сделать больше. Просто она не понимала: каким образом она могла бы? Завести раньше семью? Организовать свою школу? Создать свой театр? Но ведь ничего из этого было невозможно...

Фаина Раневская о своей жизни

Мне осталось жить сорок пять минут. Когда же мне дадут интересную роль?

Я провинциальная актриса. Где я только не служила! Только в городе Вездесранске не служила.

Жизнь моя... Прожила около, все не удавалось. Как рыжий у ковра.

Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить.

Бог мой, как проимыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

4. «Я родилась в семье небогатого нефтепромышленника»

Так написала Фаина Раневская в своей автобиографической книге. Эта фраза сегодня вызывает улыбку: разве может быть небогатый нефтепромышленник? Тогда – мог.

Но и по тем временам отец Фаины Раневской был весьма состоятельным человеком.

Итак, Фаина Георгиевна Раневская родилась 27 августа 1896 года в еврейской семье в городе Таганроге. Ее отец, Фельдман Гирша Хаймович владел фабрикой сухих красок, были у него несколько домов, которые он сдавал в наем, магазин. Был у Гирши Фельдмана и свой пароход. Мать Фаины Раневской – Милка Рафаиловна Фельдман была человеком тонкой души, любила искусство, увлекалась литературой и театром. В общем, как говорится, гены видны невооруженным глазом.

Таким образом, родилась девочка Фаина Гиршевна Фельдман. Как она превратилась в Фаину Георгиевну Раневскую – это отдельная история. Что касается отчества, то вначале Раневскую записывали как Григорьевну, потом стали писать «Георгиевна». Раневская не противилась. Она сама не знала, почему вдруг перекрестили ее отца. *«Называют, ну и пусть называют. Наверное, потому, что Гришка – Отрепьев, а Георгий – Победоносец!»* – высказывала она догадку. Ну, а с фамилией – целая легенда, и мы с ней познакомимся попозже, когда поглядим на жизнь великой актрисы более пристально.

Фаина Фельдман получала образование вначале в школе, потом – дома. Были на то свои причины – застенчивость девочки. Кое-как получив среднее образование, Фаина Фельдман решает дальнейшую свою жизнь связать с театром. К этому времени она уже всерьез увлеклась им, даже принимала участие в массовках. Отец был настроен резко против – он не желал видеть свою дочь актрисой. По всем тогдашним канонам ей, как порядочной дочери порядочного еврея, надлежало удачно выйти замуж, получить отцовское приданое, рожать детей себе, а внуков – родителям, украсив таким образом им жизнь в старости. Ради чего же создавал свою маленькую империю в Таганроге предприимчивый Гирша Фельдман, если не для своих наследников?

Но его дочка Фаина проявила свой упрямый характер. И в 1914 году уехала в Москву. Были многочисленные попытки поступить хоть в какую-то театральную школу или устроиться на работу в какую-то театральную труппу. Ее нигде не брали. В частной школе повезло больше, но деньги, которые ей были тайно даны матерью на дорогу, вскоре закончились. Судьба улыбнулась Раневской в образе актрисы Гельцер – та увидела в юной девушке зачатки настоящего таланта и помогла ей устроиться хоть на время. Фаина Фельдман играет в массовках в летнем театре Малахова. Потом сезон закончился, Раневская уехала в Крым, устроившись в одну из трупп...

В то время, как вы уже читали, театральных трупп было много, создавались они далеко не всегда профессионалами. Такой была и труппа, куда попала Раневская. Вскоре Фаина вынуждена была уйти – спектакли не пользовались успехом, залы были пустыми, денег не было. Там же, в Крыму, начались скитания Фаины Фельдман по провинциальным театрам.

Наступил 1917 год. Революционный переворот в Петрограде, социальные потрясения для всей России. Пришли большевики со своим главным лозунгом справедливого мироустройства: «Отобрать и поделить». Отец Фаины Гирша Фельдман прекрасно понимал, что все его предприятие будет реквизировано, и он, и его близкие останутся голыми и нищими. Поэтому семья готовилась к эмиграции. Фаина же решила остаться – она в упор не видела заставшую небо России бурю. Вот так и получилось в итоге: семья эмигрировала без Фаины.

Началась Гражданская война. Голод, нищета. Фаина Фельдман пережила это страшное время в Крыму благодаря своей новой знакомой – актрисе Павле Вульф. Но, как я уже писал выше, с революцией пришла необходимость в театрах. В 1925 году Фаину Фельдман берут в передвижной театр отдела народного образования. Как и должно было быть при комиссарах, решающих и вопросы культуры маузером в деревянной кобуре, театр просуществовал один сезон и благополучно закрылся.

Опять скитания, опять голод и крыша над головой благодаря друзьям и знакомым. Театров было много и разных, да вот все они были очень политически и революционно правильными...

В 1930 году Раневская отчаялась до такой степени, что написала письмо главному режиссеру Камерного театра. Тогда им был Александр Таиров. Вначале Таиров ответил отказом, потом, поразмыслив, расспросив иных режиссеров, которые сталкивались с Раневской хотя бы в массовках, изменил свое решение: написал Фаине Раневской, что театр берет ее.

В настоящей роли в настоящем театре и в настоящей Москве для Раневской это был первый выход на сцену. Спектакль назывался «Патетическая соната». И дебют Фаины Раневской был, к удивлению самого режиссера, весьма удачным. Публика заметила ее игру на заднем плане, запомнила. И сам Таиров был доволен игрой Раневской.

Но... «Патетическая соната» вскоре была признана спектаклем, чуждым для молодой советской республики, и снята с репертуара.

Вот здесь нужно сделать небольшое отступление и кое-что объяснить.

Спектакль для театра – это как марка автомобиля для завода. Нужны тысячи часов репетиций, обязательно – полностью сыгранный состав актеров, сотни прогонов... Как нельзя новую марку автомобиля на заводе начать выпускать буквально через месяц, как нельзя мгновенно заменить станки и линии сборки, так нельзя даже за год выпустить новый спектакль, сменить состав актеров. Поэтому-то в каждом спектакле задействованы свои актеры, сыгранные в сотнях репетиций, понимающие друг друга в разных нестандартных ситуациях (а такие случаются через раз). Нужно учесть и еще один очень серьезный момент. Да, много артистов покинули большевистскую Россию. Но в самом начале, оценив потенциал театра, большевики открыли сотни школ, куда брали всех желающих. А желающих в голодной России было очень много, к тому же актерское мастерство для многих, в том числе и высокопоставленных особ, казалось делом вовсе не хитрым. Поэтому театры были буквально переполнены актерами, сотни ждали приглашений, еще сотни стояли у ворот в надежде устроиться.

«Все домохозяйки ушли в актрисы», – вспомнит Раневская.

Вот теперь станет понятно, что вместе со снятием из репертуара спектакля все артисты, которые не были задействованы в других постановках, становились, по сути, безработными. А платили тогда артистам в зависимости от сыгранных спектаклей... Да и иное угнетало и не могло быть восполнено ничем: Фаина Раневская осталась без роли, пусть и другого плана, без возможности играть.

И она уходит из Камерного театра. В 1935 году она поступает в другой московский театр – Красной Армии. Здесь она уже проявляет себя с куда большей возможностью: у нее были роли в нескольких спектаклях!

Безусловно, этому способствовало то, что в 1934 году Раневская дебютировала в фильме «Пышка». Талантливый режиссер не мог не заметить ее яркого артистизма, запоминающуюся внешность – все это как раз и нужно для фильма. То, с каким удовольствием и как героиня Раневской в фильме «Пышка» ела курицу, вызывала настоящий восторг у профессионалов, а у обычных зрителей – дикое слюноотделение и невольно возникающее желание чем-либо перекусить.

Игра Фаины Раневской в Театре Красной Армии была замечена Москвой. Но известность в театре была только одним из слагаемых общего успеха. Бешеная популярность буквально накрыла актрису в 1939 году, когда она снимается сразу в трех фильмах. Режиссер Анненский снимает фильм «Человек в футляре», где Раневская играет роль жены инспектора. Потом выходит фильм режиссера Мачерта «Ошибка инженера Кочина». Но эти фильмы были приняты публикой, несмотря на прекрасную игру Раневской, достаточно прохладно. Первый фильм по рассказу Чехова требовал работы ума и сердца, а публика ведь хотела развлечений. Второй фильм был слишком открыто напичан идеологией социализма. Публика жаждала чего-то простого, веселого, с минимумом советской морали и утверждений, что коммунизм – неизбежен, что советское – всегда и везде самое лучшее. Пусть мораль нового советского человека остается превыше всего, но не очень навязчиво. Чтобы попутно высмеять мещанство и бюрократизм, показать доблестных пионеров и отважных милиционеров, но не слишком в лоб... И чтобы фильм понравился детям и взрослым.

Фильм «Подкидыш» режиссера Татьяны Лукашевич отвечал сразу всем заявленным условиям. Кроме того, он содержал в себе и чистую интригу, приключение, немного детектива. И, что существенно, главным действующим лицом в фильме была девочка, ребенок – только это уже давало сто очков фильму перед всеми остальными. Советский человек не может не любить детей.

Нужно сказать, что для того времени фильм был снят на редкость талантливо, динамично, просто дух захватывало от смены сюжетов и декораций. Режиссер поработала отменно: многие актеры сыграли в этом фильме такие роли, что сделали их узнаваемыми. Помните ту домработницу, говорившую безостановочно противным, визгливым голосом: «Ходят тут и ходят, а мне убирай и убирай...»? Еще бы... А того робкого ученого-геолога с его полевым шпатом?

Но всех героинь второго плана затмила собой Фаина Раневская. «Муля, не нервируй меня», – сказала Ляля – и Фаина Раневская навсегда уже для миллионов советских (и не только) людей останется ею – Лялей. Как я уже говорил, это был первый случай в истории советского кино, когда фраза актера получает свою самостоятельную жизнь, иными словами – становится крылатой.

Успех Фаины Раневской в кино приковал к ней внимание многих режиссеров. И вот уже она получает приглашение перейти на работу в Малый театр.

Это было не просто заманчиво – театр был знаменит и известен. В нем играли такие актеры!

Но буквально на дыбы взвилось руководство Театра Красной Армии: еще бы, в театр стали ходить на Раневскую, посмотреть «Лялю». Как отпустить? Да ни за что!

Фаина Раневская ушла из театра со скандалом.

Но беда не ходит одна – актеры Малого театра (то самое агрессивное большинство) взбунтовались – им Раневская была не нужна. Она могла затмить, увести их в тень.

И Фаина Раневская осталась без работы: из одного тетра ушла, в другой хотя и звали, но не приняли.

Тот самый Михаил Ромм, который пригласил Фаину Раневскую дебютировать в фильме «Пышка», пригласил ее для съемок в новом фильме. Это была социально-психологическая драма. «Мечта» – так назывался фильм. Фаина Раневская играла там роль хозяйки меблированных комнат пани Скороход. Потом Раневская будет вспоминать, что время съемок этого фильма – одно из лучших времен ее жизни. Михаил Ромм был весьма оригинальным режиссером. Стоит лишь сказать о том, что он снимал этот фильм строго по сюжету. То есть не было такого, где бы сегодня снимали сцену, как герои умирают, а назавтра – как они женятся. Все от начала до конца строго по сценарию. Такой подход всем иным режиссерам казался неестественным, надуманным. Но Фаине Раневской было не просто приятно,

а радостно сниматься у Михаила Ромма, потому что сами съемки фильма максимально походили на постановку пьесы: шаг за шагом, сцена за сценой, все по сценарию...

Фильм должен был иметь большой успех. Но тут началась война – уже мало кому было до театра и кинематографа.

Первые годы войны Фаина Раневская с труппой пробыла в Ташкенте. Там она играла в театре. Да, и в то время театр был востребован. Это было время тяжелейших испытаний. Но Раневская никогда не теряла своего оптимизма, всегда умела находить в себе силы поддерживать тех, кто был рядом с нею. Ту же Анну Ахматову...

Только в 1943 году, когда наступил перелом в войне, актеры получили возможность возвращаться в Москву. Фаина Раневская стала работать в Театре драмы – нынешний Театр имени Маяковского. Снялась попутно в нескольких малозначимых, больше агитационных фильмах. Потом режиссер Исидор Анненский пригласил ее для съемок в фильме «Свадьба» по рассказу Чехова.

К Чехову у Фаины Раневской были особые чувства. И ей страшно не понравилось, как режиссер фильма по-своему интерпретировал этот рассказ, воплотил его на экране. Но здесь, думается, Фаина Георгиевна не совсем права: каждый имеет право видеть по-своему. Ведь в общем и целом фильм «Свадьба» получился глубоким, образы героев – сильными, в том числе и образ Мамаши, самой Фаины Раневской. Фильм был с восторгом принят публикой. Немало коронных фраз и фразочек актеров стали крылатыми. Вы ведь знаете такую: «В Греции все есть». А она – из этого фильма.

В 1947 году Раневская снимается в фильме-комедии «Весна». Съемки именно в этом фильме принесли ей государственную награду. Относительно этого фильма сказать нужно вот что. Режиссер предложил роль Раневской, в которой было только одно действие и ни слова в разговорах. Просто подать завтрак главной героине (Любовь Орлова), и сделать это молча. Когда Раневская прочла сценарий, она и удивилась, и огорчилась: ведь она сама может гораздо больше! На что режиссер Григорий Александров сказал Раневской: придумывайте себе действия и реплики сами, а я посмотрю. И Фаина Раневская придумала столько, что они с Пляттом стали одной из самых ярких пар в этом комедийном фильме. Созданный ею образ чуть было не затмил главную героиню.

В том же 1947 году выходит фильм-сказка «Золушка». И опять – прекрасно сыгранная роль Мачехи, яркая, незабываемая. И опять в этом фильме во время съемок Фаина Раневская придумывает свои собственные ходы, свои реплики, свой антураж. Автором сценария этой сказки был авторитетный Евгений Шварц. И посягать на его талант, внося свои предложения, было, можно сказать, не совсем этично. Но тем не менее, делая свои предложения по ходу съемок, Раневская была максимально честна и открыта – она предлагала то, что, по ее мнению, сделает сцену лучше, интереснее. И Шварц, так трепетно относящийся к каждому слову в своем сценарии, только улыбался, принимая предложения Раневской. А однажды, после очередной на редкость удачной придумки Фаины Георгиевны, встал и поцеловал ей руку.

Мачеха Фаины Раневской в сказке «Золушка» – самый отрицательный персонаж. Но она не вызывает у зрителей ненависти, злости, она, наоборот, – приводит в восторг! Это удивительнейшая сила игры великой актрисы смогла так повлиять на задуманное сценаристом и режиссером. И когда Фаина Раневская «сделала» свою Мачеху, когда фильм был завершен, режиссер и сценарист вдруг увидели, насколько этот образ мощный, глубокий и даже – драматичный. И обрадовались, что так получилось, – зачем в доброй сказке резко отрицательные образы?

В 1949 году Фаина Раневская распрощалась с Театром драмы и ушла в Театр имени Моссовета. Тот самый, где режиссером был Завадский. Да, тот самый, в адрес которого

Раневская отпустила огромное количество острейших шпилек. От *«перепетум-кобеле»* до *«Пипи в трамвае – все, что он сделал в искусстве»*.

У этого театра была своя задача, установленная руководящей партией, – он должен был исполнять роль такого календарного театра: к каждому значимому советскому празднику нужно было ставить свой спектакль. Репертуар состоял из таких вот приуроченных к «красным» датам скучных, бесцветных постановок, на которые зрителей привозили по разнарядкам. То рабочих-стахановцев станкостроительного завода привезут, то ударниц фабрики «Красный пряник». Эти зрители, получившие от родной партии два часа бесхлопотного времени, дружно спали на задних рядах и зевали на первых.

Очень естественным будет спросить: так зачем же Раневская шла сюда, в этот «дачный сортир»? Пусть бы оставалась в Театре драмы. Зачем ей нужна была вот эта идеологическая шелуха?

Фаина Раневская – бунтарь. Нет, неправильно будет сказать, что она пришла в этот театр, чтобы хоть немножко встряхнуть это застойное болото. Что ее гнало сюда оскорбленное чувство ответственности за всю советскую театральную деятельность. Не сложилось в Театре драмы – ушла. Артисты часто меняли тогда театры. Как и режиссеры в театрах менялись с потрясающей скоростью: далеко не всем удавалось угадывать то, что и как хотят видеть вожди.

Но другой факт неоспорим: Раневская, сколько могла, пыталась. Сделать хоть что-то. Расторموшить. Увлечь. Показать другим актерам и самому режиссеру, что на сцене нельзя просто играть – на ней нужно жить.

«Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование, терплю и буду терпеть до конца дней. Терплю даже Завадского. Наплеватьство, разгильдяйство, распущенность, неуважение к актеру и зрителю», – вот такой отзыв Фаина Раневская оставила о Театре Моссовета.

В спектакле «Рассвет над Москвой» Раневскую уговорили играть роль старухи, которая должна была бы воплотить в себе этакий собирательный образ народной совести, которая всегда и везде говорит только правду, революционную, конечно. Раневская согласилась, хотя видела, какую скуку вызывает у зрителя этот образ правдолюбивой матери. И она, не меняя слов и реплик, превратила свои выходы во что-то сродни веселому капустнику! Это было невероятно, но после первого ее появления на сцене зрители каждый ее последующий выход встречали веселыми аплодисментами. Весельем встречали революционную совесть! В общем, это было на грани политической авантюры. Но это было весело – и Раневской все простили. Мало того – наградили!

Пьеса «Шторм» стала одной из значимых в жизни Раневской. Всего-то в ней у нее была эпизодическая роль, несколько выходов. Фаина Георгиевна взяла пьесу домой, а на следующую репетицию принесла огромную стопку листов бумаги. Здесь были предложения по ходу пьесы, тех мест, где играла она сама. Автор пьесы, взглянув, пришел в ужас: Раневская не просто переписала места – она предложила по пять-десять вариантов каждого кусочка! Драматург читал, багровел, все в страхе ждали его слов. А он вдруг начал хохотать! Режиссер Завадский замер в ожидании. И автор пьесы сказал: «Ничего не меняем. Все оставляем... как у Раневской!» На следующую репетицию Фаина Георгиевна явилась с новыми предложениями, новыми репликами. Завадский взвился, но драматург встал на сторону актрисы: «Пусть играет как хочет. Все равно лучше, чем она, эту роль никому сделать невозможно».

И она сделала эту эпизодическую роль! Сделала такой сильной, что в конце концов затмила всех остальных актеров. И даже главные герои блекли в свете яркой, образной игры Раневской. Здесь не было никакого фокуса и ничего странного: просто она выкладывалась по максимуму даже в мельчайших эпизодах, и не увидеть этого разительного отличия в ее отношении и отношении всех остальных к игре было невозможно. Это видели не только

зрители, это видел Завадский. Ему нужно было либо поднимать уровень игры всех артистов до уровня Раневской, либо... Либо выводить Раневскую из спектакля. Для советского режиссера решение было более чем очевидным: Завадский лишил Раневскую роли в спектакле «Шторм».

Для Фаины Раневской, столько сил и труда вложившей в эту роль, это был удар огромной силы. В 1955 году она оставила Театр Моссовета и ушла в бывший Камерный театр. Тот самый, в котором начинала свою карьеру, который стал на то время уже Театром Пушкина. Раневская надеялась встретить там то же, что и оставила, но, увы – изменилось все. От того, что заложил в театре режиссер Таиров, ничего не осталось. Раневская смогла проработать в этом театре до 1963 года и ушла.

Работая в Театре Пушкина, Фаина Раневская снялась в нескольких эпизодических ролях в новых фильмах. Но все эти фильмы оказались проходными, пустыми, заполненными политической мишурой. Выросло ведь новое поколение советских режиссеров, каждый из которых пытался утвердиться во что бы то ни стало. Государство выдавало огромные деньги на съемки новых фильмов, кинематограф лихорадило от новых идей и веяний, рушились устои старого кино, свержались авторитеты... И выходили один за другим провальные фильмы.

Например, такой, как фильм «Осторожно, бабушка». Режиссером фильма была подруга Раневской, Надежда Кошеверова. И, что самое удивительное, Раневская сыграла в нем главную роль. Но даже ее великолепная игра не могла спасти фильм, который был изначально проходным, пустым, обреченным на провал. И поэтому-то в самом начале главы я сказал, что Раневская не сыграла ни одной главной роли.

Нужно сказать еще вот что: Раневская устала от съемок. Более того, ей был глубоко чужд сам съемочный процесс, бесконечные повторы эпизодов. Она видела убогость сценариев, ощущала невероятный диктат режиссеров, гнувших свою линию. Нет, это был не Михаил Ромм, позволявший актерам играть раскрепощенно, вносить что-то свое...

«Снимаюсь в ерунде. Съемки похожи на каторгу. Сплошное унижение человеческого достоинства, а впереди – провал, срам, если картина вылезет на экран», – вспоминала Раневская.

Таким срамом стал и фильм «Осторожно, бабушка». Раневская остро переживала неудачу, поссорилась с режиссером. Да, безусловно, она винила и себя, но она и видела в самом начале убогость сценария и режиссуры. Съемки этого фильма вымотали Раневскую до конца. Она вынуждена была согласиться на них – в театре у нее почти не было ролей. Не играть она не могла. Поэтому она принимала приглашение сниматься в «Фитиле», озвучила мультфильм – та самая домохозяйка Фрекен Бок во всем полюбившемся мультфильме «Малыш и Карлсон».

Через пять лет в надежде, что Фаина Раневская забыла о неудаче фильма «Осторожно, бабушка», Надежда Кошеверова, уже опытный режиссер, вновь приглашает ее сниматься в кино. Это был фильм о цирке. Название ленты «Сегодня новый аттракцион». Раневская должна была играть роль директора цирка. Фаина Георгиевна заставила себя уговаривать долго – она в самом деле не хотела опять быть втянутой в изматывающий съемочный процесс. И наконец согласилась, но выдвинула столько невероятных условий! Например, двойная оплата и на студии она появится только один раз. А еще – отдельное купе в поезде, на котором она будет ехать на съемки. Это сегодня вызывает улыбку – и это все требования?

Фильм вышел на экраны в 1966 году. Но особого успеха он не имел.

И это была последняя роль Фаины Раневской в кино.

Она вернулась в Театр Моссовета. Да, она вернулась к тому Завадскому. Мне кажется, что отношения Раневской и Завадского намного сложнее, чем они кажутся на первый взгляд. Да, количество язвительных шпилек, которыми колола Раневская режиссера, не сосчитать.

И тем не менее было что-то, что притягивало этих двух людей. Мне кажется, Раневская все же видела в Завадском режиссера. Видела его потенциал – и всеми силами пыталась заставить его работать. Нельзя же сказать однозначно, что Завадский не принимал никакой отсечки Раневской. С другой стороны, он терпел уколы и прямые оскорбления. Например, однажды, когда Раневская вновь поменяла реплики и поведение своей героини на сцене, Завадский в отчаянии воскликнул:

– *Что вы делаете! Вы топчете весь мой замысел!*

– *То-то у меня такое чувство, будто я в говно вляпалась!* – ответила Раневская.

– *Вон из театра!* – завопил Завадский.

– *Вон из искусства!* – не осталась в долгу Раневская.

Мне кажется, он сам чувствовал, что значит не только для театра, но и лично для него самого Раневская: строжайший судья, который не пропустит ни одной фальшивой ноты. Разве же Завадскому самому не претила роль режиссера «театра праздничных дат»? Разве же он не хотел поставить нечто – нечто такое, что поставило бы и его имя в один ряд с известнейшими?

Как бы там ни было, но с середины 60-х и до конца своих дней Фаина Раневская будет играть в Театре Моссовета.

Ей было уже 86 лет, когда она отказалась играть. Это случилось всего лишь за год до ее смерти. Умерла Фаина Раневская в 1984 году.

Фаина Раневская о театре

Я не признаю слово «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене нужно жить!

То, что актер должен сказать о себе, он должен сыграть, а не писать мемуаров. Я так считаю.

Народ у нас самый даровитый, добрый и совестливый. Но практически как-то складывается так, что постоянно, процентов на восемьдесят, нас окружают идиоты, мошенники и жуткие дамы без собачек. Беда!

Я не знаю системы актерской игры, не знаю теорий. Все проще! Есть талант или нет его.

Научиться таланту невозможно, изучать систему вполне возможно и даже понятно, может быть, потому мало хорошего в театре.

5. «Семья заменяет все. Поэтому, прежде чем ее завести, стоит подумать, что тебе важнее: все или семья»

Так сказала однажды Фаина Раневская.

Уверен, тема личной жизни великой актрисы должна быть рассмотрена нами с отдельным вниманием, в отдельной главе. Причин для этого несколько.

Казалось бы, фраза Фаины Георгиевны о семье, которая стала заголовком этой главы, расставляет все точки над «і». Но, во-первых, эта фраза была сказана уже в зрелом возрасте, и целая масса из тех, кому интересна актриса, принимают ее не как причину, а как оправдание. Дескать, вот не сложилось у Фаины Раневской ее личная жизнь – вот она и придумала фразу. Во-вторых, пришлось и читать, и слышать от некоторых людей, что, мол, Раневская того... ну, как бы это сказать... нетрадиционной сексуальной ориентации. И третье: Раневская была так некрасива, что на нее не позарился ни один мужчина.

С чего начнем? Пожалуй, с третьего.

Увы, в детстве Фаина Раневская действительно не слыла красавицей. Невзрачная, нескладная, неуклюжая девочка. Более того, крупный нос на ее лице стал настоящей трагедией для девочки Фаины, а потом и для Фаины-девушки. Некоторые биографы утверждают, что некрасивость девочки использовал было и ее отец, чтобы отговорить ее от решения стать актрисой. Мол, куда тебе с такой внешностью? Это был очень сильный и болезненный удар. Фаина Раневская хотя и выдержала его, тем не менее не смогла избавиться от комплекса: когда ей отказывали в театральных школах, она видела причину прежде всего в своей внешности. И еще – в голосе. Дело в том, что Раневская немного заикалась, когда разговаривала. Но если она была на сцене, заикание исчезало. Тем не менее ее застенчивость была обусловлена не только ее провинциальностью, но и собственной оценкой своей внешности. Известно немало случаев, когда Фаина Раневская крайне неліцеприятно отзывалась о себе самой.

Например, однажды ей предложили сниматься в вечерней передаче для маленьких детей, что-то, вроде «Спокойной ночи, малыши!». На что Раневская заметила: *«Представьте – мать укладывает ребенка спать, а тут я своей мордой из телевизора: «Добрый вечер!» Ребенок на всю жизнь заикой сделается!»*

Нос Фаины Раневской был чуть ли не притчей во языцех. Но так ли уж он портил ее лицо? И таким ли непривлекательным оно было с этим носом? А как же сама Раневская, ее фигура, манера держаться, умение улыбаться? А ведь на лице, кроме носа, есть чувственный рот, есть большие темные глаза, в которых всегда горел огонек задора, лукавства, гнева.

Обратимся к фактам. Вот один, достаточно интересный. Как вы уже прочли в краткой биографии Раневской, в театр Фаина Георгиевна пришла в самом юном возрасте. И как бы там ни было, а та самая труппа, с которой молодая Фаина отправилась в турне в Крым, была создана по всем существующим правилам, то есть все актеры имели законные контракты, в которых указывалось амплуа. Так вот, Раневская в своем первом контракте записана как «героиня-кокетт»! Раневская могла и играла кокеток? Да, могла и играла! Это значит, ее внешность была привлекательной, милой.

Известность пришла к Фаине Раневской уже в достаточно зрелом возрасте. И нам с вами нужно учесть весьма значимый факт – мы знаем Фаину Раневскую в созданных ею образах. А то, с каким мастерством и с какой самоотдачей работала актриса над каждой, даже самой эпизодической своей ролью, говорит о том, что Раневская на сцене и Раневская в жизни – это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

История сохранила для нас одну запись о той, юной Фаине Раневской: «Очаровательная жгучая брюнетка, одета роскошно и ярко, тонкая фигурка утопает в кринолине и волнах декольтированного платья. Она напоминает маленького сверкающего колибри...»

И в то же время сама Раневская писала: *«Моя внешность испортила мне жизнь»*. Но здесь я бы не стал настаивать на том, что так женщина сказала потому, что у нее не сложилась именно личная жизнь. Вспомним: Раневская не получала главные роли из-за своего ярко выраженного семитского лица. Думается, именно это имела в виду Раневская, когда говорила о том, что испортило ей жизнь.

Общепринятую легенду о некрасивости Раневской косвенно будто бы и подтверждают случаи из ее юности. Вот еще совсем юная Раневская влюбляется в гимназиста. Она страдает, она томится... наконец гимназист назначает девушке свидание. Когда Фаина пришла на условленное место, она увидела там еще одну девушку! Слово за слово – выяснилось, что этот гимназист назначил свидание сразу двоим. Ну, будь у девчушек ум, они бы устроили хорошую взбучку гимназисту, но две влюбленные гимназистки видели друг в друге только соперниц. И не помирились. Пришел гимназист, внимательно посмотрел на обеих, оценил каждую, сравнил (благо обе сидели рядом). И выбрал не Фаину. Она уходила, давясь слезами, а ее соперница (о времена, о нравы!) бросала в спину Фаине камешки...

Есть еще один случай, о котором любят вспоминать. Тогда Фаина была уже взрослой девушкой, актрисой. И влюбилась в актера своей труппы. Пригласила его к себе и ждала... Он пришел. С другой. (Об этом случае чуть ниже, он нам очень понадобится.)

Некрасивость, непривлекательность Раневской вроде бы косвенно подтверждает тот факт, что у нее не было романов ни с одним крупным начальником. Хотя некоторые говорят о том, что одно время у нее были самые близкие отношения с военным Толбухиным. Между тем всем хорошо известно, что практически все более-менее известные актрисы были в любовницах сильных мира того.

Но я уверен, что Раневскую высокие чины не пытались затащить в постель по иной причине.

Фаина была неудобной любовницей. Она могла играть в спектаклях роль кокетки, но такой в жизни не была никогда. Она не умела и не желала кокетничать с мужчинами именно вне сцены.

Фаина Раневская – это живая ирония и сарказм, это полное отсутствие всяческих комплексов в отношении полов. С ней, как бы это сказать точнее, любому мужчине нужно было быть именно мужчиной, а не начальником. Вот показательный момент. Раневская в своей примерке переодевается. Было очень жарко. Она сняла с себя абсолютно все. И с наслаждением от наступившей прохлады закурила. И тут к ней заглядывает администратор театра, мужчина. Раневская, стряхнув пепел с папиросы, невинно поинтересовалась:

– *Вас не смущает, что я курю?*

Согласитесь, мужчине нужно было обладать незаурядным чувством юмора, находчивостью, чтобы из такого, в общем-то, невинного положения выйти с достоинством.

Что касается физической близости... Для Раневской не существовало каких-либо табу в разговорах вообще. Долгое время она хранила рисунки Сергея Эйзенштейна. Режиссер был прекрасным рисовальщиком, обладал в рисунке оригинальным чувством юмора. И очень любил делать быстрые зарисовки в альбомы женщинам. Причем рисунки эти были вовсе не невинными. Кто-то скажет – и пошлыми. Пусть и так, но они были остроумными. Эйзенштейн много рисовал Раневскую. В выборе темы он никогда себя не ограничивал. Но Раневская далеко не всем эти рисунки показывала. Покажешь тут... Вот рисунок Раневской с короной на голове. Надпись: «Корона королевы Виктории». А сама корона украшена членами в состоянии эрекции. Вот рисунок «Кающаяся Фаина». На нем Раневская на коленях перед ангелом – делает ему минет. «Поднятие целины» – Фаина Раневская в неге, обнаженная,

раскинула ноги на ложе, к ней направляется огромный член с красной головкой, на тонких ножках, обутых в ботфорты...

В общем и целом – Фаина Раневская была опасной любовницей, с какой стороны ни подойди. Во-первых, думается, она знала толк в сексе (те же рисунки Эйзенштейна на это намекают). Во-вторых, она ничуть не стеснялась говорить о половых отношениях. И в-третьих, она могла быть язвительной, острой на язык. Короче, если уж мужчина попадал к ней в постель, он должен был находиться на максимальной высоте и быть мужчиной во всех смыслах этого слова.

Но, к чести Фаины Раневской, история не сохранила ни одного язвительного ее замечания о своих любовниках. Она умела быть снисходительной. Она чаще жалела мужчин именно как мужчин, хотя могла растереть любого мужчину в порошок как человека. Если он того заслуживал. Когда она что-то и рассказывала о своих постельных приключениях, то что-то типа такого:

«У меня был любовник гусар-кавалерист. Когда мы с ним остались вдвоем, я уже лежу, он разделся, подошел ко мне, и я воскликнула:

– Ой, какой огромный!

А он довольно улыбнулся и, покачав в воздухе своим достоинством, гордо сказал:

– Овсом кормлю!»

Согласитесь: для своего круга близких друзей невинно и смешно.

И причина этому достаточно проста: Раневская относилась к физической близости, к половой жизни как ко всему, что касалось именно физической жизни. Для нее всегда на первом месте оставался театр, сцена, игра. Творчество и живая душа.

Чтобы физическая близость заняла одно из первых мест в общении с человеком, для Раневской главным было первоначальное возникновение мощнейшей духовной и душевной связи. Поэтому не было скандалов, пошлых сцен ревности и прочего сопутствующего антуража. Встретились, насытили дуру друга приятным ужином и ласками в постели, разбежались – зачем скандалить и ревновать? Все буднично и просто...

Если нет настоящих чувств.

Теперь поговорим о втором – о том, что некоторые подозревают Фаину Раневскую в, говоря сегодняшним языком, нетрадиционной сексуальной ориентации. Причем не просто подозревают, а прямо указывают и на избранницу Раневской – Павлу Вульф.

Действительно, однажды встретившись, они стали друзьями. И друзьями такими, что связь между ними не прерывалась всю их жизнь. Но я категорически буду возражать против того предположения, что Павла и Фаина были любовницами. Это, по моему глубокому убеждению, была привязанность на духовном уровне, когда они с полуслова понимали друг друга и были максимально близки именно в своем восприятии окружающего мира. Именно это сделало их близкими в человеческом плане, именно это цементировало их дружбу.

Павла Вульф – актриса театра, с Фаиной Раневской они познакомились после революции 1917 года в Ростове-на-Дону. Павла была старше Раневской почти на десять лет – она родилась в 1878 году. К моменту ее встречи с Раневской она была уже известной актрисой и стала для молодой Фаины настоящим учителем и другом. Сохранилось несколько строчек в записной книжке Фаины Раневской. Думается, они помогут понять, с каким душевным трепетом относилась Фаина Раневская к своему учителю – Павле Вульф.

«...Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П. Л. (Павлой Леонтьевной Вульф). Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки...»

Вы же помните, чем были для Раневской деньги – они ей мешали жить. Иной раз вся театральная труппа была ей должна: кто мелочь, кто сумму побольше. Но сама Раневская никогда не напоминала о долгах. Этим некоторые и пользовались. И вот теперь она гово-

рит о необходимости иметь деньги. Ей нужно устроить отдых для своей подруги и своего учителя. Запись датирована маем 1948 года. В это время Павле Вульф уже 70 лет. Самой Раневской – 59. Вы можете себе представить какие-либо иные отношения, кроме духовных и душевных между двумя женщинами такого возраста?

Давайте просто поверим в дружбу. И в то, что дружба бывает между женщинами, между учительницей и ученицей, что бывает обыкновенная бескорыстная забота одного человека о другом.

И учтем при этом, что сама Фаина Раневская отличалась (уже писал про это) редчайшей способностью сострадать.

Есть еще один туз в рукаве сторонников версии лесбиянства. Дескать, среди многих и многих сохранившихся цитат есть одна, которая говорит о том, что Фаина Раневская не считала чем-то преступным и аморальным однополую любовь. Вот эта цитата:

«Лесбиянство, гомосексуализм, мазохизм, садизм – это не извращения. Извращений, собственно, только два: хоккей на траве и балет на льду».

Что ж, вспомним и еще одну, уже приведенную в этой книге цитату Фаины Георгиевны, которую она обронила на партийном собрании: *«Каждый волен сам распоряжаться своей жопой»* – это, напомним, было сказано как оценка того «спектакля», на котором один из актеров обвинялся в гомосексуализме.

Но, позвольте, в данных цитатах – не признание Раневской в том или ином пристрастии. Эти цитаты – отношение самой Фаины Георгиевны к существующим в природе вещам. И не более того.

Что касается именно этих цитат, то мне лично (думаю, и вам) интересно другое: что могло повлиять на формирование именно такого отношения к явлениям, которые так гневно осуждались на заре советской власти?

Люди. Талантливые, очень талантливые, безусловно талантливые. И одновременно с талантом имеющие (с точки зрения общества и церкви) «неправильные» сексуальные отношения. Безусловно, Раневская знала (а кто в творческой среде не знал?) о гомосексуальности величайшего композитора Чайковского. И пусть он пытался убежать от слухов (и правды) о своей личной жизни, даже женился, но жить с женщиной, нелюбимой к тому же, он не смог. Его понимали. И его принимали таким, каков он был.

Я уже писал, что прочные дружеские отношения сложились у Фаины Раневской с талантливым Эйзенштейном. Так вот, ни для кого секретом не было, что Сергей Эйзенштейн, режиссер, сценарист, теоретик кино и педагог мог влюбляться как в женщин, так и в мужчин. Говоря сегодняшним языком, он был бисексуалом.

Творческая среда любой страны и любого народа полнится историями о геях и лесбиянках. Но, заметим, не потому, что именно в творческой среде их больше, чем в среде любой иной, а только потому, что люди творчества, как правило, более открыты для общества в силу своей публичности. Их жизнь постоянно на виду. Они же и более независимы от всех других в душевном и духовном планах. Если говорить проще: они не стесняются своих предпочтений. Потому что не считают никоим образом свою сексуальную ориентацию как нечто основополагающим в жизни. Для Эйзенштейна главным в жизни было кино. Для Чайковского ничего важнее музыки в мире не существовало.

И для Марины Цветаевой превыше и преглавнее всего на свете была поэзия. И ей она служила, ей молилась.

Да, так получилось, что природа дала Марине Цветаевой не только поэтический талант, но и возможность любить женщин.

Фаина Раневская была очень дружна с Цветаевой. И эта дружба зародилась благодаря страстной любви самой Раневской – но не к Цветаевой, а к поэзии вообще.

Настоящей страстью Раневской был Пушкин. Будучи уже в возрасте, она почти все новогодние праздники проводила одна дома. И сам Новый год она встречала одна, чаще всего либо отказываясь от предложений приехать в гости, либо предупреждая своих друзей о невозможности принять их. Звонила своим близким друзьям, поздравляла тепло и сердечно с наступающим Новым годом и тут же добавляла: «Эту ночь я проведу с очаровательным молодым человеком Как его зовут? Евгений Онегин».

Поэтому ничего удивительно нет в том, что Раневская была дружна с Мариной Цветаевой (вспомните тот эпизод про пачку с деньгами).

Личная жизнь Марины Цветаевой была далеко не счастливой. Она вышла замуж, родила ребенка... Но природа взяла свое: в какой-то момент (он настал в 1914 году) Марина уходит от своего мужа. К своей подруге. И живет с ней, вопреки всяким слухам, два года.

Опять же, принимая сегодняшнюю терминологию, можно сказать, что Цветаева была бисексуальная женщина: ее влечение могло распространиться как на мужчин, так и на женщин.

Все эти «сексуальные отклонения от нормы» можно назвать бедой, трагедией человека, личным несчастьем, но никак не его виной, не следствием какого-то аморального поведения и царившего разврата, как то пытались тогда и пытаются сегодня показать реальные гомофобы.

И Раневская понимала это: физическая природа человека никаким образом не может встать в вину ему же. Человека человеком делает разум, способность к творчеству, наличие совести, а не тело.

Мне думается, что для Раневской на воспитание в себе понимающего, снисходительного к физическим слабостям и проявлениям сексуального пристрастия человека особое влияние оказал Крым. А именно Коктебель и поэт Максимилиан Волошин.

Вы знаете, а ведь сегодня Максимилиан Волошин стал практически визитной карточкой Коктебеля. Прямо от пляжа поднимается на сопку тропинка к его могиле – он завещал похоронить его на горе, и завещание было исполнено. И тропинка истинно не зарастает! Именно Волошин первый открыл в Коктебельской бухте то необыкновенное ощущение первобытности, то возникающее на уровне подсознания желание слиться воедино с дикой красотой этих мест. Максимилиан Волошин нашел место Киммерийских купаний, известных еще со времен древних греков – место в открытом море недалеко от Золотой скалы, где вода имеет необъяснимое свойство: она тут заметно теплее, чем в любом другом месте. Древние греки приплывали сюда, чтобы искупаться здесь без одежды – и этот обряд был возрожден Волошиным.

Нудистский пляж появился в Коктебеле также благодаря Максимилиану Волошину. Сегодня он никого не смущает. А если у отдыхающих есть желание, но не хватает смелости раздеться и искупаться в море безо всяких тряпочек на теле при большом скоплении народа? Есть в Коктебеле немало укромных бухт, таких условных мест, где считается вполне приличным для любого и каждого купаться и загорать голышом.

Время Гражданской войны Фаина Раневская провела в Крыму. Здесь она встретила и с Максимилианом Волошиным, он же ввел ее в круг известных поэтов, актеров и писателей – вокруг него, влюбленного в Коктебель, уже тогда собралось многоликое общество. Впрочем, всех в нем объединяло здесь, среди древних скал Карадага и синих волн Черного моря, желание быть максимально естественными и правдивыми, открытыми. Слишком примитивно будет говорить о купании без одежды, как одном из необходимых факторов такой открытости. Да нет же, все это становилось естественным, понятным только тогда, когда открытость и естественность достигались на уровне сознания чувств, ума и души.

Фаина Раневская не просто окунулась в эту атмосферу, она прониклась ею. Она дышала этим воздухом свободомыслия, вбирала его всеми фибрами души. И однажды

и навсегда отметила для себя, что главное в человеке – его душа, его ум и талант, его способность сопереживать и делиться теплом радости. Поэтому-то ее резкие заявления против гомофобии, защищающие сексуальный выбор каждого человека, и звучат столь смело, недвусмысленно и убедительно.

Так почему же все-таки Раневская не вышла замуж? Почему история не сохранила для нас сколь-либо сильного романа Фаины Георгиевны? Неужто она не влюблялась никогда?

Влюблялась. Вот она сама вспоминает: *«Вот было мне девятнадцать лет, поступила я в провинциальную труппу – сразу же и влюбилась. В первого героя-любовника! Уж такой красавец был! А я-то, правду сказать, страшна была, как смертный грех... Но очень любила ходить вокруг, глаза на него таращила, он, конечно, ноль внимания... А однажды вдруг подходит и говорит шикарным своим баритоном: «Деточка, вы ведь возле театра комнату снимаете? Так ждите сегодня вечером: буду к вам в семь часов».*

Я побежала к антрепренеру, денег в счет жалованья взяла, вина накупила, еды всякой, оделась, нарядилась – жду сию. В семь нету, в восемь нету, в девятом часу приходит... Пьяный и с бабой! «Деточка, – говорит, – погуляйте где-нибудь пару часиков, дорогая моя!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.